

Лин Си собирался отправиться в город один, чтобы привести лекаря для Хо Цзюя. Вот только он совершенно забыл, что понятия не имеет, куда идти. Это ведь не высокотехнологичная эпоха, где можно просто открыть карту в телефоне. Тут даже дороги не обозначены. К тому же он не знал местного языка и не мог ни у кого спросить.

В итоге, даже не добравшись до выхода из своего «стартового посёлка», он с позором вернулся обратно. Почёсывая в затылке, Лин Си досадовал на себя за поспешность. На самом деле самым надёжным решением было бы прямо отвезти больного к лекарю, но раны на теле Хо Цзюя он зашил только вчера, в таком состоянии подвергать его длительным переходам было нельзя. Швы могли разойтись, а повторное заражение в условиях, где нет ни антибиотиков, ни антисептиков, могло закончиться летальным исходом.

— Ау-у-у! — стоило Лин Си вернуться, как со всех сторон к нему бросились волки. Один за другим они подбегали, крутились вокруг, тёрлись лбами о его ноги, вели себя как глупые пёсики, выпрашивающие поглаживания.

Лин Си, щедро не обделяя вниманием ни одного, по очереди потрепал всех по голове, с трудом выбрался из облепившей его стаи, весь в волчьей шерсти.

— Пфу! — фыркнул он, стряхивая клочья с себя.

С брезгливым выражением на лице Лин Си сплюнул прилипший к губам клочок волчьей шерсти, наклонился и отряхнул одежду, потом подошёл к ручью и тщательно вымыл руки. В голове отчего-то возникло стойкое ощущение, будто он завёл стаю... хаски.

— Я же говорил вам держаться подальше, — отряхивая капли воды, бросил он в сторону глупой волчьей стаи. — Возвращайтесь обратно, к Волчьей горе.

Лин Си опасался, что такое количество волков может напугать брата Хо, что не пойдёт на пользу его восстановлению. Да и в глубине души он боялся, что Хо Цзюй, привыкший к военной жизни, может решить избавиться от угрозы и пустить в ход силу. Лучше, чтобы люди и волки просто не пересекались.

Издали подошёл вожак Дахуэй, неся в зубах двух только что пойманных кроликов. Лин Си подошёл ближе и увидел, что на большом зелёном листе аккуратно сложены разные продукты и лекарственные травы. Понятно... принесли дань.

Он потрепал Дахуэя по лбу:

— Спасибо. Но больше не надо приносить еду, я сам могу себе добыть.

Дахуэй в ответ нежно ткнулся носом ему в ладонь. Лин Си выбрал одного жирного кролика и немного фруктов. Перебирая травы, он заметил одно растение, которого прежде не встречал,

поднял его и повертел в руках, внимательно рассматривая. Рыжевато-бурый крупный волк, высунув язык, подошёл вперёд и жалобно завыл, протяжно и умоляюще. А следом, будто кто-то ткнул палкой в курятник, вся стая разом подняла вой - громкий, прерывистый, сливающийся в один оглушающий хор. Голова у Лин Си зазвенела от этого многоголосого гама.

— Тихо! — нахмурился он и указал пальцем на самого голосистого. — Ты, говори ты.

Выбранный волк, взволнованно хватая воздух, выдал целую серию взволнованных «Ау-ау-ау-ау!».

Лин Си, подперев подбородок рукой, задумчиво уставился на найденное растение:

— То есть ты хочешь сказать, что он случайно съел вот эту траву... и перестал чувствовать язык?

Длинный алый язык всё ещё бессильно свисал из пасти пострадавшего волка, слюна капала на землю, очевидно, язык был на месте, просто напрочь онемел.

— Сколько времени прошло? — спросил Лин Си.

Пострадавший, понятно, ответить не мог, поэтому слово взял тот самый говорливый волк. По его сбивчивым воям и взмахам морды Лин Си прикинул - около получаса.

Он велел стае возвращаться на Волчью гору и оставить раненого в покое. Когда у того снова появится чувствительность в языке, пусть придёт и сообщит ему. Если его предположение верно, то это растение вполне может служить в качестве природного обезболивающего.

Обретя такое интересное новое средство, Лин Си ощутил, как настроение заметно улучшилось, остатки недовольства и раздражения словно развеяло.

Перед тем как уйти, Дахуэй сообщил ему, что ночью, скорее всего, пойдёт дождь. Лин Си повел носом, прислушиваясь к запахам - влажность в горном лесу действительно начала меняться, воздух становился всё более тяжёлым и насыщенным влагой. Летние дожди редко бывают долгими, но зачастую это резкий ливень с порывистым ветром. Вспомнив, в каком жалком состоянии сейчас находится их старая бамбуковая хижина, Лин Си не мешкая поспешил назад, нужно было срочно укрепить конструкцию. Если посреди ночи на дом обрушится поток воды, он вовсе не горел желанием проснуться среди развалин насквозь промокшим.

— Кх-кх-кх... — изнутри донёсся глухой, надсадный кашель.

Лин Си замер на ступеньке, затем резко ускорился и распахнул дверь. Мужчина лежал на кое-как починенной бамбуковой кровати, лицо его было покрыто неестественным румянцем, губы болезненно бледные. Грудная клетка тяжело поднималась и опускалась в такт кашлю, дёргая

свежие швы. Мужественные, густые брови были хмуро сдвинуты, словно он из последних сил сдерживал прорывающуюся наружу боль.

Он же был в порядке, когда я уходил... как мог за такое короткое время так внезапно слечь?

Лин Си широким шагом подошёл к кровати, протянул руку и коснулся лба мужчины, тот был горячий, как его собственное тело в преддверии жара. Он быстро расстегнул одежду, осмотрел рану - швы держались хорошо, воспаления не наблюдалось. Лин Си с облегчением выдохнул. Летом жара мешает заживлению, пот провоцирует размножение бактерий. К счастью, бамбуковая хижина держала прохладу, не давая телу перегреваться, и это хоть как-то сдерживало развитие инфекции.

Он не раз сновал туда-сюда, меняя воду, протирая мужчину от головы до пят, потом дал выпить отвар. Ушло на это всё утро, но усилия начали приносить плоды, к полудню температура наконец пошла вниз, и Хо Цзюй в полудрёме на короткое время пришёл в себя.

— Разве ты не ушёл? — увидев, как Лин Си суетится возле него, он решил, что горячка сыграла с ним злую шутку.

Лин Си, заметив, что тот очнулся, тут же снова поднёс ему чашу с отваром и, дождавшись, пока тот выпьет, спокойно объяснил:

— Спустился с гор и понял, что ни дорог не знаю, ни языка не понимаю. Пришлось вернуться.

Лин Си говорил совершенно серьёзно, совсем не замечая, как в его голосе звучит лёгкая обида как у ребёнка, жалующегося родителям. У Хо Цзюя в груди что-то едва заметно шевельнулось, словно мягкая пушистая лапка легонько ткнула в сердце. Лицо, обычно строгое и холодное, смягчилось, и он, едва держась на грани сознания, пробормотал:

— В следующий раз я отведу тебя сам.

Золотой солнечный свет лился в хижину, бросая длинную тень от сидящего на табурете Лин Си. Держа в руках пустую чашку с отваром и приоткрыв рот, он пристально, не отрываясь смотрел на вновь уснувшего мужчину. Спустя мгновение он отвёл взгляд, облизал пересохшие губы и пробормотал:

— У меня и правда отличный вкус.

Даже среди нового человечества с его генетическими вариациями внешность этого мужчины выделялась бы, не говоря уж о такой глуши. Подперев щеку рукой, Лин Си твёрдо решил: Мне с ним повезло. Ни за что не позволю ему уйти.

Из-за неудобных инструментов работа над деревянной кроватью шла медленно, а поскольку к

вечеру почти наверняка должен был пойти дождь, главной задачей на сегодня было укрепить дом. Взяв в руки свой самодельный топор, он снова ушёл в горы. По дороге он грыз фрукт, не забывая внимательно оглядываться в поисках подходящих материалов. Времени у него почти не осталось, и на заготовку бамбука он тратиться не собирался, лучше сразу найти прочную древесину и крупные листья.

С наступлением ночи в бамбуковой хижине становилось темно хоть глаз выколи. Впрочем, Лин Си сильно отличался от обычных людей, его ночное зрение было великолепным. Сквозь дыры в крыше можно было рассмотреть звёздное небо, усеянное туманностями; кто-то, возможно, посчитал бы такую картину романтической. Но в грядущую дождливую ночь эта «романтика» легко могла обернуться бедствием, поэтому Лин Си нужно было как можно скорее залатать крышу.

Он связал пучок широких, похожих на пальмовые, листьев лианами и понёс обратно. Затем срубил несколько кедров. Белоснежные руки порозовели от напряжения, на лбу выступил пот. Лин Си откинул за спину короткие волосы, скинул жилетку, зачерпнул горсть прохладной воды и плеснул себе в лицо. Прохлада горного ручья ненадолго смягчила внутренний жар, дыхание его шло горячими клубами, словно поднимался пар от кипящей воды.

Период его жара ещё не закончился, хотя теперь приступы были куда слабее, чем в прошлые дни, дискомфорт постепенно отступал. Но стоило активно поработать, как жар снова начинал подниматься изнутри.

Подумав о мужчине, лежащем больным в кровати, Лин Си невольно вздохнул. Надо поскорее поставить его на ноги. Если в следующий раз жара снова накроет, а всё останется в таком подвешенном состоянии, он просто не уверен, что сумеет удержать себя... и не натворить чего-то непоправимого.

Солнце палило спину Лин Си с такой яростью, что он всерьёз заподозрил, не загорелся ли у него хребет. К счастью, тело у него крепкое, солнечные ожоги ему не страшны, но даже так, сидя на крыше и укладывая листья, он обливался потом и готов был немедленно сигануть в реку, чтобы хоть немного остыть.

Крупные листья он укладывал внахлест, один поверх другого, переплетая их между собой. Работа не требовала особой сноровки, но уж точно сильно нагружала поясницу: приходилось всё время наклоняться. Когда он наконец водрузил последний лист, резко выпрямился и тут же ощутил, как пояс и спина заняли тупой болью, так что даже лицо скривилось от боли.

Посидев немного на крыше, чтобы отдышаться, он спустился вниз и проверил крышу изнутри. Вроде всё уложено плотно, надёжно, ни единого просвета.

— Весь в поту, где тебя носило? — вдруг раздался хриплый мужской голос.

Лин Си обернулся - больной, оказывается, уже очнулся и наблюдал за ним открытыми глазами. Неизвестно, сколько он так лежал. Лин Си провёл рукой по вспотевшему лицу, но, ступив за

порог, вдруг остановился, замер и отступил назад на несколько шагов.

— К вечеру, похоже, будет дождь. Я чинил крышу. Грязный весь, не буду заходить, — пояснил он сдержанно.

Хо Цзюй с удивлением посмотрел на него. С утра Лин Си не отходил от него, ухаживал, кормил, поил, а теперь, не зная покоя, весь день провёл на крыше, чиня дом. Если приглядеться, можно заметить, как на белоснежной коже юноши налипла пыль, на руках свежие ссадины, а на талии и животе угадывается красная полоса, видимо, след от долгого напряжённого положения тела.

Пылающее закатное солнце заливало его обнажённый торс, будто пламя ласкало лепестки распустившейся белой розы. Картина была до боли красивая, почти нереальная, словно роза, распускающаяся в огне.

Лин Си не услышал от мужчины ни звука и решил, что тот снова уснул. Выпив чашу воды, он уже собирался вернуться к работе, как вдруг из дома донёсся голос Хо Цзюя:

— Почему ты снова без одежды?

— Жарко, — просто ответил Лин Си. У него совершенно не укладывалось в голове, почему тот продолжает обращать на это внимание, ведь между ними уже было куда более глубокое соприкосновение. Да и кроме них двоих в этих горах никого нет.

При слове «одежда» Лин Си сменил тему. Протянул в окно свежесделанные шкуры и положил их на стол:

— Я обработал немного шкур. Твоя одежда уже не раз стиралась и не очень пригодна для носки. Выбери, что нравится, и сшей себе пару сменных комплектов.

Следом он поставил на стол небольшую корзинку из лиан - в ней лежали сделанные им костяные иглы, скрученные вручную нити и прочие принадлежности, в том числе и иголки с нитками, которые он когда-то «одолжил» у семьи Хо.

— Одежда, которую я сам шью, тебе вряд ли понравится, — добавил он не без самоиронии.

Хо Цзюй действительно не мог оценить стиль его одежды, потому лишь сдержанно кивнул:

— Хорошо. Спасибо.

Лин Си махнул рукой, мол, пустяки, и, взяв топор, ушёл разделять принесённую кедровую древесину. Хо Цзюй неотрывно смотрел ему вслед. Худощавый, высокий силуэт юноши казался

почти хрупким, но за этой не до конца сформировавшейся мужской фигурой уже скрывалась поразительная сила, способная на всё.

Опираясь на ещё слабое тело, Хо Цзюй подошёл к столу и начал перебирать вещи. Для восемнадцатилетнего юноши Лин Си знал и умел непозволительно много. И дело было не только в травах, выделке шкур, охоте или умении чинить хижину. Главное - это его нестандартные подходы, его мышление. Идея зашивать раны. Самодельные средства для разжигания огня...

Раньше Хо Цзюй подозревал, что Лин Си был кем-то подослан, может, убийцей, может, шпионом другой страны. Но ни одна версия не выдерживала проверки. Лин Си слишком открыт. Он совершенно не скрывает своих навыков, наоборот, показывает их почти с бравадой, не боясь, что Хо Цзюй чему-то научится, что запомнит.

Если всё-таки Лин Си чист, без тайного прошлого и скрытых хозяев... Неужели мне и вправду выпал шанс случайно найти гения, который только готовится заявить о себе миру?

Если удастся склонить Лин Си на свою сторону... если он станет служить Да-шэну... сможет ли этот человек принести благо всей стране, всему народу?

Стоило этой мысли зародиться, как в крови Хо Цзюя закипел огонь. Сердце заколотилось с новой силой, сознание захлестнула волна возбуждения. Но рассудок тут же взял верх: нельзя спешить, нельзя поддаваться порыву. Времени на наблюдение и оценку у него ещё достаточно.

За окном что-то грохнуло - гром или падающее дерево. Внутри, сидя на стуле, Хо Цзюй ловко, без единой заминки, вдевал нитку в иглу. Он был мужчиной с ярко выраженной мужественной внешностью: черты лица резкие, выразительные, фигура высокая и мощная — метр девяносто семь ростом, статный и крепкий. Сравнить его с милыми, изящными герами из деревни было просто невозможно. Даже слепой не принял бы его за женщину или гера. И всё же именно этот Хо Цзюй, воплощение мужского достоинства, до службы в армии был известен в деревне одной вещью.

Он великолепно вышивал.

Настолько хорошо, что мог заткнуть за пояс не только местных старших геров, но и многих опытных мастериц. Его мать, Чжао Сюцзюань, частенько брала его работы с собой в уезд и выдавала за вышивку своей дочери. Продавцы и покупатели в один голос нахваливали тонкость стежков и изящество рисунка, хваля "девушку", а Чжао Сюцзюань с удовольствием купалась в этом уважении.

Но деревенские жители знали правду. И, хоть он и был силен, умен и трудолюбив, за спиной шептались: "Мужик, а сидит да вышивает! Тьфу, баба бабой..." — и кривили губы, осуждая его за не мужское занятие.

Хо Цзюй много лет не шил одежду, поэтому поначалу руки будто бы забыли, как это делается. Но память, вшитая в самую плоть и кровь, так просто не исчезает, стоило сделать несколько стежков, как всё снова стало привычным, и движения обрели прежнюю лёгкость, становясь всё увереннее и быстрее.

Когда Лин Си, управившись со своими делами, проходил мимо окна, он краем глаза заметил, как мужчина с абсолютно непроницаемым лицом держит в руках иголку с ниткой и неспешно шьёт. Он застыл на месте как вкопанный, увиденное потрясло его до глубины души. Контраст был слишком разительным, сцена слишком сильной.

Он не удержался и выдал вслух первую мысль, что пришла в голову:

— Вот это и есть... тот самый легендарный мужчина-мать*?!

(ПП: модное интернет-словечко, возникшее в киберспортивных кругах. Оно относится к мужчинам-фанатам, имитирующим тон мам фанатов или описывающим мужчин с материнскими качествами. Также может относиться к мужским персонажам в некоторых субкультурах, которые проявляют ярко выраженные материнские черты, такие как мягкость и забота, или изображаются как обладающие «женскими» качествами.)

<http://bllate.org/book/13580/1204854>